

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РЕКА ЧЕРНОГО ДРАКОНА

Затянулось бабье лето на Амуре...
За судьбой мне возвращаться
не к нему ли?
Будут годы, будет горе, будет старость...
Но навеки моя юность здесь осталась.

Леонид Завальнюк

1 (Марта)

В краеведческом музее города Б стоит одинокий розовый фламинго. Залетную птицу еще в девяностых нашел егерь в Тамбовке. С первым октябрьским снегом фламинго умер, и его чучело гордо выставили в комнате «Фауна южной части Амурской области», как будто целые стаи сказочных розовых птиц разгуливают по болотам и силосным ямам региона. Марте всегда казалось, что она в городе Б — как вот этот сбившийся с пути фламинго, которого бог весть какими ветрами по ошибке занесло в эти края. А быть может, экзотическими розовыми птицами, выбивавшимися из общего серого пейзажа, были все женщины в роду Пеговых.

Ангелина Пегова сидела за небольшим кухонным столом и курила одну за одной. Бычки она складывала в гипсовую пепельницу, выполненную в виде рулетки казино. Для Марты эта пепельница была неразрывно связана с образом матери: женственной, опасной, принадлежащей ко взрослому волнующему миру. Ангелина поправила короткий халат в маках и убрала за уши тяжелые русые пряди. Локоны матери переливались золотом на висках, постепенно темнея к концам. Больше ни у кого на свете не было таких красивых волос.

— Мартышка, слушай внимательно.

Марта кивнула. Ангелина затянулась и выпустила дым в потолок.

— В жизни за все нужно платить. И есть человек, который нам должен, мне и тебе. А когда человек должен, Мартышка, запомни, нет ничего стыдного в том, чтобы у этого человека свое забрать. Понятно тебе?

Марта ковыряла край стола, от которого отходил верхний клеенчатый слой, обнажая спрессованные опилки. Ей было все понятно.

— Завтра ты пойдешь в первый класс, и там будет много ребят. С тобой станут знакомиться. Заводить дружбу с кем

попало не надо ни в школе, ни когда-либо по жизни. Когда ты с кем-то дружишь, ты отдаешь часть себя, отщипываешь от себя что-то, что не видно глазу, но это тем не менее существует. И если ты выбираешь себе в друзья не того человека, то он тебя как бы обкрадывает, потому что ему нечего дать тебе взамен. Понятен ход мысли, м? Да прекрати ты ковырять стол!

— Да, мам, прости, мам.

— Так вот, с тобой в классе будет учиться девочка, Маша Данилова. Отец этой девочки нам должен, тебе и мне. Задолжал он нам очень много. Поэтому тебе не будет стыдно принимать от нее, ее отца или еще от кого-либо в их семье подарки. Потому что, если он долги возвращать не будет, за ним придет призрак дедушки.

Ангелина грозно посмотрела на Марту. Внутри у девочки все похолодело.

— Тебе не нужно бояться этого призрака, он не причинит нам вред, наоборот, он нас оберегает. А вот отец Маши, напротив, его боится, и правильно, ведь он сильно подвел дедушку.

Дальнейший рассказ Марта помнила лишь в общих чертах.

Следующим утром Марта сидела на тахте в своей комнате, собранная для первого дня в начальной школе. На стене напротив висел портрет молодой Ангелины, выполненный угольным карандашом. Девушка на портрете была не слишком похожа на мать, но вот глаза очень удались. Крупные черные горошины зрачков, обрамленные серым, внимательно изучали Марту, в каком бы углу комнаты она ни находилась. Марта никогда не могла слишком долго выдерживать на себе этот взгляд. Иногда она начинала слегка расшатывать кнопки, которыми сердитый портрет был прикреплен к стене, как будто собиралась его снять. Однако каждый раз, когда шляпки уже заметно отходили от листа бумаги и острие гуляло в стене, Марта пугалась и вдавливала кнопки обратно.

— Мартышка, в школу тебя отведет дядя Толя.

В дверном проеме появилась Ангелина: она наклонилась, чтобы волосы полностью закрыли ее лицо, потом резко откинула голову, и так несколько раз. Благодаря этому нехитрому способу прическа матери приобретала впечатляющий объем, как у актрис в американском кино. Марта слышала, как незадолго до этого в дверь позвонили, и по низкому мужскому голосу поняла, что сегодня у мамы, видимо, работа. Она была не против, чтобы дружелюбный сосед сопровождал ее на линейку. Тогда Марта в любом случае не до конца понимала смысл того дня.

Во время линейки в честь Первого сентября, как и заведено в городе Б, моросил мелкий липкий дождь. Решетчатый забор вокруг школы только покрасили в зеленый, и, если сильно надавить пальцем, можно было оставить свой отпечаток на прутьях или слегка сколупнуть краску. Взрослые придерживали за плечи своих первоклассников.

Сосед дядя Толя оставил Марту около классной руководительницы с шевелюрой пуделя и сказал, что заберет девочку через пару часов. Марта оценивающе оглядела детей, высматривая Машу. У большинства одноклассниц в тот год в волосах были фантазийные розы на прищепках, видимо, такие завезли на китайский рынок тем летом, а челки делились надвое разноцветными заколками. У Марты же были обычные ленты, завязанные бантами, и больше ничего, из-за чего она ощущала себя несколько блеклой. Эта блеклость, однако, не была свойством Марты, она скорее ощущалась как временное внешнее неудобство, недоразумение, которое стоит устранить.

Марта начала со своих ближайших соседок: поинтересовалась, как их зовут. Девочек звали Лена и Юля, и Марта удивилась: они были абсолютно одинаковые. Затем она познакомилась с большеглазой Светой, которая постоянно дергала висящие кисточки своих заколок, и азиаткой Соней, которая без конца шмыгала носом и была готова вот-вот заплакать. Марта продолжала высматривать Машу. Наконец она встретилась взглядом с девочкой, чье лицо показалось ей добрым.

Что-то в повороте головы, в ямочках на щеках и в медном пуху волос надо лбом было неуловимо знакомо, как будто они уже дружили.

— Меня зовут Марта, а тебя как зовут?

Марта протянула девочке ладошку. Та вопросительно обернулась на родителей. Ее мать, похожая на Белоснежку из мультика ярким контрастом белого лица и черного каре, кивнула.

— Маша, — тихо сказала девочка и некрепко сжала пальцы Марты.

За спиной Маши маячил невысокий квадратный мужчина. Он покосился на девочек, ненадолго задержал взгляд, а потом развернулся всем телом куда-то в сторону, как будто дети были ему совершенно неинтересны. Хвостик Машиных волос, отливавших медью, был украшен розой. Эта заколка — самая красивая из всех, что Марта видела на линейке: на ее белых по краям и розовеющих к сердцевине лепестках как будто блестели капли росы. Тут Марта вспомнила, что говорила ей мать насчет долга.

— Мне нравится твоя заколка.

Без каких-либо просьб Маша стянула заколку с волос и подала Марте. Заиграла музыка. «Это любимый наш дом, в нем подружились навек с тобой... помни, гагаринцы мы... счастливы этой судьбой!»

Пока Марта развязывала свои банты и крепила к волосам трофейную розу, что-то привлекло ее внимание в дальнем углу школьного двора. За забором, протиснув лицо между прутьев, топтался пожилой мужчина в каких-то лохмотьях. Волосы невнятно-серого цвета скатались в сосульки, а вот борода была снежно-белая и как будто очень ухоженная. Постепенно делаясь все прозрачнее, она доходила почти до пояса. Старик улыбался широкой, искренней улыбкой, и, что удивительно, все его зубы были на месте.

«Дедушка!» — сразу догадалась Марта, и по телу разлилось тепло. На черно-белой фотографии, что стояла дома

на подоконнике, дед был моложе и борода была гораздо короче. Но Марта не сомневалась: это он. Она поняла, что дедушка пришел проводить ее в первый класс. Вот он словно превратился в дым и просочился сквозь прутья. Потирая щеку, испачканную зеленой краской, дедушка направился к Марте. В этот момент она почувствовала какое-то движение сзади и обернулась. Отец Маши с трудом проталкивается через ряды старшеклассников к выходу со школьного двора: «Извините, пропустите». «Испугался дедушку», — поняла Марта.

Раздался короткий, как будто случайный звон — это кто-то из взрослых вручил стоявшей справа Свете большой золотой колокольчик, перевязанный красной лентой. В следующую секунду Света взмыла вверх к ватым тучам — это смуглый одиннадцатиклассник, гордый обладатель почти взрослых по густоте усов, поднял белокурую первоклассницу на плечо, чтобы пронести к школьному крыльцу, давая первый звонок учебного года.

Но то ли едва ощутимый дождь сделал пиджак одиннадцатиклассника скользким, то ли Света слишком вертелась, но полетела она вниз так же быстро, как и вознеслась. Неожиданно дедушка оказался рядом и попытался поймать Свету, но бесплотные руки приведения прошли насквозь. Усатый старшеклассник только и успел вцепиться в Светин рукав, который с почти театральным треском оторвался по шву на плече.

— Это жакет из Франции!

Можно было подумать, что женщину с детским лицом, издавшую этот крик, импортная вещь волновала больше, чем сама ее дочь, которая скривилась, готовясь заплакать. Вся эта суeta спугнула приведение, дедушка как будто просочился сквозь прутья обратно за территорию школы и проворно нырнул в один из спусков к реке.

Сначала плач был тихим, но постепенно нарастал, как будто прибавляли громкости на проигрывателе. Ангельское лицо Светы впечаталось прямо в асфальт.

В ушах у Марты звенело. Падение одноклассницы выбило ее из равновесия, внутри расплзался леденящий ужас, несоизмеренный произошедшему, как будто она сама приняла удар асфальта.

Света подняла лицо. С ее щеки, как слеза, стекала ярко-рубиновая капля.

— Я не боюсь крови.

Этим замечанием Маша вернула Марту в действительность. Марта с трудом оторвала взгляд от запятнанного красным платка, с которым кукольная женщина хлопотала вокруг пострадавшей. Квадратным носом лакированной туфли Маша пинала траву, проросшую сквозь трещину в асфальте площадки перед школой. Марта чувствовала, что Маша сейчас испытывает почти то же самое, что и она, но хочет казаться храброй.

2 (Ангелина)

Виктория Пегова выжидательно сверлила взглядом заламывающего руки электрика Путилина, облокотившись на кассу.

— В сотый раз тебе говорю, алкоголь в долг не отпускаю, проваливай отсюда.

— Ну что тебе стоит, ну ты же добрая! Я обязательно с первой же полочки верну! Ну возьми меня на карандаш!

— Ты у меня, Путилин, еще с прошлого года на карандаше. Но алкашку я продаю только за наличку, это принцип.

Тут мужчина изменился в лице и от заискиваний перешел к угрозам.

— Какая принцесса, посмотрите на нее! С генералом спишь, все, возомнила о себе? Да только не нужна ему ты, выкинет он тебя, как шавку, на обочину! Он женатый человек, прошмандовка ты эдакая! Что глаза таращишь, думаешь, не знает никто? Да все село обсуждает! Тьфу!

И электрик вышел из магазина, громко хлопнув дверью. Вика отерла пот со лба и села на табурет. Уже вторую

неделю ее мутило, голова раскалывалась. Внутри бушевали разные чувства: уверенность в собственной правоте и вина перед Путилиным, а заодно и перед всем селом. Она всегда плохо разбиралась в себе: страшно желала денег и мечтала вырваться из Возжаевки и вместе с тем всегда шла навстречу, когда односельчанам нужны были продукты в долг. Толстая амбарная книга разбухла от записей карандашом. Еще Вика встречалась с двумя мужчинами одновременно: женатым генералом-красавцем Сергеем Семеновичем Полуэктовым из ближайшей воинской части и с непутевым шушганым доцентом Гришей из города Б. Гриша приезжал раз в пару месяцев навестить свою мать, которая жила в соседнем с Викиным доме.

Генерал был, конечно, предпочтительнее. Он ездил на автомобиле с водителем, получал путевки на лучшие курорты Союза, преподносил ей дорогие подарки да и в любовных делах был искуснее соперника. Только вот его обещаниям развестись Вика особо не верила. Гриша же почти ничего не имел за душой, в любви не признавался, все время нес не интересовавшую ее ахинею про «историю языкознания» и еще что-то такое академичное, а в постели приходил в щенячий восторг от происходящего: только и мог что напряженно пыхтеть, пропитывая одеяло потом минуты четыре, а потом долго-долго ее благодарить. Зато Вика знала, что, надави она немного на Гришу, тот непременно на ней женится.

Прикинув по дням, Вика поняла, что забеременела совершенно точно от Гриши, но после некоторых раздумий решила все же сделать ставку на генерала. Подогнав немного срок, она рассказала о своем положении Сергею Семеновичу, который несказанно обрадовался, кружил ее на руках, а на следующий день пропал. Не отвечал на звонки неделю, две, а на третью Вика решила делать аборт. Отговорила ее сестра Марина. У Марины было какое-то редкое врожденное заболевание, но никто в местной больнице толком не мог сказать какое. Одна нога у нее сильно косолапила, глаза были навывкате,

веки постоянно красные, а от жирной еды мог начаться эпилептический припадок. Врачи говорили, что долго девочка не протянет, однако Марина всем назло дожила до тридцати и умирать не собиралась.

Через месяц Полуэктов объявился, на коленях умоляя простить и объясняя свое исчезновение тем, что жена сильно заболела, поэтому он пока никак не может ее бросить, к тому же в военной части какие-то жуткие проверки и проблемы. Но Вика с ребенком он, конечно, не оставит.

Через неделю случились похороны Гришиной мамы. На помпезных поминках, организованных на невесть какие деньги, Вика сказала своему запасному варианту, что они больше не могут быть вместе. Тот принял новость отрешенно, как будто речь шла о каком-то бытовом вопросе, например о продаже пианино или чешского серванта, которые в итоге оказались в доме Вики и Марины. С тех пор Гриша перестал приезжать в село и ни разу не навестил могилу матери.

Когда родилась Ангелина Пегова, безотцовщина по свидетельству о рождении, сразу стало ясно, что никаких теплых чувств ребенок у генерала не вызывает. То ли он подсознательно понимал, что ребенок не его, то ли просто не любил детей. Но деньги и вправду исправно давал. И Вика продолжала на протяжении пяти лет метаться в душе, пить Сергея Семеновича, работать в своем магазинчике, записывать карандашом долги односельчан в амбарной книге, оставлять дочку на сестру и на что-то надеяться. Иногда она хотела уехать в город к Грише, признаться ему во всем, но похоже, действительно была влюблена в генерала. Поэтому, когда тот неожиданно явился одной ветреной ночью, сопровождаемый скрипом яблонь, и постучал в окно, Вика поняла: что-то произошло и она пойдет за ним на край света.

— Викасик, только тсс — не разбуди соседей... Слушай меня, мы можем уехать, уехать вдвоем, как всегда мечтали, ты готова?

— Мы с тобой? Что произошло? Ты меня пугаешь!

— Долгая история... меня отдадут под трибунал, по ложным обвинениям... ладно, это не женское дело, я сам со всем разберусь. Ты, главное, будь готова уезжать в субботу.

— Сережа! А как же Ангелинка? Мы ее возьмем?

— Девочку... девочку мы не можем сейчас взять, пойми, будет слишком много вопросов... она же все равно проводит большую часть времени с твоей сестрой, вот пусть они пока и поживут вдвоем? А потом мы обязательно за ней вернемся через какое-то время.

Вика не знала, действительно ли была какая-то объективная причина не брать Ангелину, или же генерал просто не хотел. Но, осознавав, что наконец будет с любимым мужчиной, не стала задавать лишних вопросов. И проблема с болезнью жены куда-то испарилась. Сестра Марина в этот момент лежала в больнице с очередным осложнением, и неизвестно было, когда выздоровеет. Поэтому на следующий день Вика собрала небольшую сумку вещей для дочки и села вместе с ней на автобус до города. Дождалась Гришу у кафедры в институте и прямо там вручила ему дочь. Молодой преподаватель настолько опешил, что не задал ни единого вопроса, даже не уточнил, что такое в понимании Вики «скоро вернусь».

Через несколько месяцев их разыскала Марина, неожиданно бодрая и энергичная, и предложила забрать Ангелину в село, но Гриша за это время привязался к дочери. Сказал, что Марина может гостить у них сколько захочет и иногда брать Ангелинку с собой в Возжаевку. Через год на пороге квартиры в городе Б объявилась мать девочки — загорелая, в золотых украшениях, с модным начесом, да еще и в шубе. Но без обручального кольца. Дочка с опаской и восхищением следила из-за угла за плавными движениями рук роскошно одетой элегантной женщины. Целью визита были бумажные формальности — после того как Гриша был записан отцом в свидетельстве о рождении, Вика снова уехала.

Ангелина рано почувствовала, что отец почему-то испытывает по отношению к ней чувство вины, и научилась вить

из него веревки. Гриша никому не говорил, но считал: навещай он могилу матери, как и должен был, то знал бы о рождении дочери и все сложилось бы по-другому. Он одевал девочку потеплее и гулял с ней вечерами после института, пока мягкие волосы Ангелины, свисавшие из-под шапки, не покрывались серебристым инеем. Он гладил дочь по локотам, впитывая талую влагу в ладонь, и глаза его становились влажными от умиления.

Марина же была строга и дисциплинированна. Среди прочего тетку, выросшую в голодные военные годы, когда оладьи из картофельных очистков считались деликатесом, раздражала привередливость девочки в еде. Ангелина не ела ничего рыбного, никакой еды с «подливой» или соусом, отказывалась от каш и картофельного пюре, из супов выцеживала только жидкость. Когда Ангелине было шесть лет, Марина, приготовив большую кастрюлю солянки, попробовала в очередной раз перевоспитать племянницу.

— Сейчас ты съешь всю эту тарелку, а после я дам тебе шоколадку.

Девочка с отвращением отодвинула от себя коричневатую жижу.

— И не подумаю.

Марина в сердцах закатила глаза и хлопнула себя по хромой ноге сложенным вдвое кухонным полотенцем.

— Да что такое! Мерзавка, вся в мать! Вот и тебя она отодвинула, как тарелку невкусной еды!

Девочка прищурила глаза и сложила руки на груди.

— Ты мне не мать. И вообще ты уродливая. А мама красивая, как киноактриса.

Веки Марины еще больше, чем обычно, налились красным. В следующий момент она сжала ладонью лицо племянницы, другой рукой зачерпнула полную ложку горячего месива и запихнула ребенку в рот. От удивления Ангелина проглотила, не поморщившись, ненавистное блюдо. Держась за сердце, Марина присела на истрепанный диван. Не отрывая

ошарашенного взгляда от тетки, девочка взяла ложку, зачерпнула еще солянки и отправила за щеку. Тщательно пережевывая, Ангелина продолжала есть, пока не прикончила всю порцию. Марина улыбнулась.

— Вот видишь, ничего сложного. А ты вредничала.

В ответ Ангелина молча встала со стула и вышла из кухни. Через минуту Марина слышала, что девочку рвет. Тетка побежала в ванную, громко шлепая тапками. Ангелину тошнило до тех пор, пока в желудке ничего не осталось, но маленькое вспотевшее тельце продолжало содрогаться в конвульсиях. Марина аккуратно перенесла девочку в спальню и уложила на тахту. Ангелина лежала с холодным компрессом на лбу и температурила три дня, едва подпуская к себе тетку, пока Марина, окончательно изведя себя чувством вины, не вызвала врача.

Племянница разрешила доктору приблизиться к кровати только при условии, что тетка выйдет из комнаты. После осмотра врач аккуратно прикрыл дверь и подозвал Марину.

— Девочка говорит, что солянка была отравлена и ей скормили ее насильно.

Марина схватила за голову.

— Но мы с ее отцом все потом доели и не отравились!

Доктор улыбнулся.

— Вы не ругайте ее. Ребенок у вас очень впечатлительный и своенравный. При желании, если дать своему мозгу установку, можно вызвать какую угодно реакцию: рвоту, температуру, аллергию. Многие дети бессознательно это делают, желая добиться от родителей своего, из протеста, а потом сами начинают верить, что больны. Тут и развивается настоящая болезнь, я с таким сталкивался в своей практике. Пусть ест что хочет.

3 (Ангелина)

Тетка часто говорила «вся в мать», как будто в этом было что-то плохое. Ангелина принимала сравнение скорее за комплимент. В памяти сохранился образ невероятно красивой женщины в искрящихся украшениях и лоснящейся шубе. Успешность матери девочка связывала с ее внешностью, а тетка была болезненная, хромая, с выпученными глазами и именно поэтому жила в пропахшем старым тряпьем домишке и шубы не имела. Где жила мать, Ангелина не знала, но представляла, что это красивый большой особняк с арками и колоннами, окруженный стройными высокими пальмами, на берегу теплого моря. Ангелина очень боялась вырасти похожей на тетку. Иногда ей снилось, как у нее выпучиваются глаза, а нога выворачивается внутрь.

Но опасения Ангелины оказались напрасными. Еще в старших классах она осознала, что, когда входит в комнату, все взгляды автоматически примагничиваются к ней. Ангелина была тонкокостной, не ступала, а как будто пружинила, и одноклассницы пытались копировать ее походку. Но особенно она гордилась своим профилем в нимбе золотых волос. Этот ресурс она не собиралась растрачивать попусту. Постоянные нотации отца о необходимости выбрать специальность и готовиться к поступлению Ангелину только раздражали. В академической или какой-либо иной карьере она не видела особого смысла. Чтобы отделаться от нравоучений, девушка сказала, что хочет поступать в медицинский и для этого будет дополнительно заниматься с репетитором биологией и химией, но вместо этого часами гуляла по набережной. Она представляла, как удачно выйдет замуж и будет жить на роскошной вилле, куда не стыдно пригласить мать, и они станут вместе ходить по магазинам, пока их мужья обсуждают дела.

В начале весны в город приехала Марина, нагруженная закрутками и свитерами для родственников. Тетка заставила Ангелину порешать задачи из учебников по химии и биологии.

Почти сразу стало понятно, что никакой медицинский девочке не светит. Но что же теперь делать? Гриша нервничал, а Марина спокойно раскладывала связанные крючком декоративные салфетки на все предметы мебели подряд. Решили узнать, где экзамены попроще. Так Ангелина поступила на лингвистику в пед, к отцу, и английский и китайский давались ей легко, как бы сами собой.

Нельзя сказать, что Гена Данилов понравился ей с первого взгляда. К отцу часто приходили в гости студенты и аспиранты, приносили мягкие игрушки и конфеты в тщетной надежде выпросить оценку, обсуждали дипломы и диссертации. Гена был неуклюж и немногословен, не расставался со своими записями, завернутыми в дурацкий вытершийся пакет. Бросал быстрые смущенные взгляды из-за толстых стекол больших круглых очков. Но со временем Ангелина привыкла, что любимый аспирант отца приносит отдельно для нее конфеты «Ананас» фабрики «Зея» и с неподдельным интересом расспрашивает про учебу, дает советы насчет преподавателей и зачетов, ведь помощи от отца было не дожидаться. Гриша боялся, вдруг кто-то подумает, что он тянет дочь и злоупотребляет положением. Еще Генка долго и внимательно смотрел на Ангелину, пока она вязала в кресле в гостиной, а Григорий Витальевич вычитывал очередные главы диссертации. В один такой вечер отец вышел в прихожую поговорить по телефону, висевшему на стене, оставив дочь с аспирантом вдвоем.

— Что ты вяжешь?

Ангелина аккуратно приподняла свой последний проект светло-голубого оттенка:

— Это свитер. На нем будут белые медведи на льдине.

Гена присвистнул.

— А мне свяжешь что-нибудь?

Девушка осторожно отложила спицы, наклонила голову и лукаво улыбнулась.

— А мне что за это будет?

— Десять килограмм конфет «Ананас». А еще в кино тебя свожу.

Ангелина рассмеялась и снова принялась за вязание.

— То есть это мне подарок, в кино с тобой сходить? Высокого же вы о себе мнения, Геннадий!

— Это значит «нет»?

Гена глядел на девушку в упор с каменным лицом.

— Это значит «подумаю». Вот защитишь успешно диссертацию, свяжу тебе что-нибудь в подарок. И в кино, может, сходим, смотря что показывать будут.

На этих словах в комнату вошел отец, и больше Гена про свидания не заикался.

Девяносто первый был странным годом. Вокруг Ангелины всегда вилоь много поклонников, и ей нравилось их внимание, но выбирать она не умела. Долго казалось, что на горизонте появится кто-то лучше, богаче, успешнее. В результате к выпуску, когда большинство однокурсниц уже были замужем и беременны, Ангелина оставалась одна, с невнятными перспективами. В тот год в воздухе витало смутное ощущение грядущих перемен, как будто скоро прибудет некий поезд, но точное время прибытия неизвестно, и остановится он буквально на минуту, и нужно будет непременно на него успеть. Гена стал появляться реже. Ангелина слышала, как по телефону отец говорил любимому аспиранту:

— Геночка, дорогой, коммерция — это хорошо, но нужно же диссертацию защитить, мы же на финишной прямой.

В августе отец принес фотографию, которую Ангелина запомнила навсегда.

— Смотри, что Генка наш вытворяет, — с гордостью сказал он, протягивая снимок дочке.

На прямоугольной карточке человек двадцать позировали на темно-зеленом танке на фоне затянутого облаками московского неба и накрененного шпиля высотки. Кто-то держал в руках рупор, кто-то — фотокамеру. Около танкиста

в камуфляжной форме в полный рост стоял спортивный мужчина и грозил кулаком в воздух. Ангелина не сразу признала Генку: без очков, рукава рубашки закатаны, густые волосы отливают медью. Он был красив. Ангелина постаралась скрыть свое восхищение.

— С каких это пор Генка не носит очки?

— Сделал коррекцию зрения в Москве. Я его на конференцию отправил, а он вместо этого, негодяй, по танкам около Белого дома скачет.

— Хм, понятно. Диссертацию-то защищать он собирается? Я ему свитер обещала связать, если защитит.

— Ох, должен прийти ко мне в следующую субботу, но чувствую, от науки будет отбредиваться. — Гриша махнул рукой, будто заранее признавая поражение в споре с аспирантом.

Ангелина готовилась к приходу Генки всю неделю: взяла у подружки кореянки Суны короткое розовое платье с воланами, делавшее ее похожей на фламинго, купила мундштук, чтобы, куря сигарету, выглядеть загадочной. В намеченный вечер она села с книгой в беседке во дворе, чтобы невзначай пересечься с аспирантом без надзора отца. Двор пятиэтажки плотно окружали пахучие кусты сирени. Ангелина уже предавалась мечтам, как целуется с Генкой в загсе. Любимый аспирант, судя по всему, знал, как вскочить на тот поезд, который вот-вот должен приехать. Вдруг из-за кустов донеслось раздражающее женское хихиканье. Через минуту смех, перемежаемый мужским шепотом, раздался опять. Ангелина осторожно вышла из беседки и развела ветви сирени. Худошавая брюнетка с невыразительным лицом, пунцовым от волнения, стояла прислонившись к прутьям забора. К ней вальяжно склонялся парень: широкая спина, рубашка с закатанными рукавами, волосы отливают медью. Вот он нагнулся ниже и поцеловал противно хихикающую девушку в губы. Ангелина была поражена простотой и банальностью открывшейся сцены. Как он мог? Она чувствовала себя оскорбленной женой.

— Давай я закончу тут дела и приду к тебе вечером? — прошептал Генка.

— Только не очень поздно, — кокетливо ответила брюнетка, — завтра у меня утренняя репетиция.

Ангелина швырнула книгу в песочницу и зашагала прочь из двора, гулять по набережной.

Суна знала все про всех, она питалась и дышала сплетнями. Поэтому, дождавшись позднего вечера, чтобы точно разминуться с Геной, Ангелина позвонила подруге с домашнего телефона.

— Привет, дорогая. Не спишь еще?

— Ой куда там, мои, как обычно, на Мухинку вдруг собрались, я должна помочь мясо для шашлыка замочить. А тебе что-то от меня надо.

Суна была проницательна почти до ясновидения, и Ангелина даже не пыталась от нее что-то скрывать.

— Простое любопытство. Аспирант моего отца — Генка Данилов — позвал меня на свидание. Я и не планирую идти, у меня вариантов хватает, но ты не знаешь, он вообще свободен?

Суна поцокала языком.

— You've come to the right place. Простое любопытство, ну-ну. Мам, да сейчас я приду, не будет ничего этой говядине из-за пяти минут! — крикнула она в сторону. — Тут срочное дело, вопрос жизни и смерти!

Ангелина нервно ерзала на табурете в розовом платье Суны, которое теперь казалось ей страшно пошлым. Суна снова приложила трубку к уху.

— Извини, в этом доме нет мне никакого покоя, всегда поручения. А ты что, влюбилась в Генку? Да, он ничего... И говорят, у него есть подвязки для торговли с Китаем, ты же понимаешь, что скоро откроют границу для частных? Ну не суть... Так вот, Генка твой уже полгода встречается с Ларисой Великодной, в четырнадцатой школе училась. Сама по себе — мышь мышью, но, видимо, мышиность свою

компенсирует артистической деятельностью. Она и в «Ровесниках» танцевала, и в «Амурских самоцветах» пела, теперь вот окончила училище и в драмтеатре актрисулька. Кстати, ты слышала, они с «Ровесниками» в ГДР на гастроли ездили, и там, говорят, хореограф Ларису... Ну да не суть, я думаю, это неправда, хотя жена хореографа, говорят, потом шла по Ленину и рыдала, все видели, стыдоба такая.

4 (Ангелина)

Амурский областной театр драмы розовел на пересечении Ленина и Комсомольской. Ангелина несколько раз приходила постоять через дорогу от здания. В конце концов она решилась зайти в кассы, где взяла программу на сентябрь. Лариса В. значилась в трех спектаклях: «Мадемуазель Нитуш», «Игроки» и «Заговор чувств», везде на второстепенных ролях. Немного подумав, Ангелина купила билет в партер на «Заговор чувств» по роману Олеши.

К походу в театр Ангелина тоже готовилась тщательно, как будто это было свидание с Геной. Она надеялась, что не пересечется с ним в зрительном зале или буфете, ведь не будет же он ходить на каждый спектакль пассивно. Покрутившись в розовом платье Суны перед зеркалом, Ангелина все же предпочла джинсы и черную водолазку. По пути на спектакль она остановилась у цветочного ларька и купила три красные гвоздики. Ангелина не была в драмтеатре со времен школьных культпоходов. Для города Б атмосфера театра была на удивление благородная и величественная — здание сохранилось с тысяча восемьсот восемьдесят девятого года.

Несмотря на скудный выбор продуктов в магазинах, стойка театрального буфета ломилась: поблескивали бутерброды с семгой, красной икрой и колбасой. Посетители заталкивали в себя дефицитные угощения, заливая их армянским коньяком и советским шампанским. Временами казалось,

что люди пришли сюда не ради спектакля, а ради того, чтобы поесть. На крошечных круглых столиках не помещались нагруженные пластиковые тарелки, очередь тянулась до самых дверей.

В фойе Ангелина купила черно-белую программку, напечатанную на плохой бумаге, и спешно раскрыла ее в поисках имени соперницы. «Елизавета Ивановна — Лариса Великодная», — значилось двенадцатой строчкой на развороте. Черно-белые портреты актеров на стенах отчего-то казались траурными. Ларисы там не обнаружилось, но Ангелине было неприятно даже представить, что эта мышь однажды глянет на нее из этого ряда. Какое глупое, тщеславное и дутое занятие — быть актрисой. Ангелина прокручивала в голове сюжет давным-давно прочитанного романа Олеши — какая еще Елизавета Ивановна, наверное, одна из соседок по коммуналке Бабичева и Кавалерова, главных героев «Зависти». Ничего не значащая роль, с таким же успехом Лариса могла бы играть дерево.

Когда поднялся занавес, Лариса Великодная уже красовалась на сцене. В шелковом халатике поверх тонкой сорочки, в тапочках с меховыми помпонами, в бигуди. Плоская, неинтересная, не тянущая на отведенную по сценарию роль обольстительницы. Ангелина гораздо лучше сложена, ее лицо эффектнее вылеплено, она вполне смотрелась бы на сцене. Что это, зависть — как в романе? Но ведь она никогда не хотела быть актрисой. Просто мерзко, что эта мышь отобрала у нее Генку, а теперь еще и вертится перед сотнями зрителей в свете софитов. Какого черта Великодная в открывающей сцене, если роль второстепенная? Кто ставил этот дурацкий спектакль? Ангелина покосилась направо и налево, пытаясь оценить впечатление соседей по ряду от мыши в сорочке. Не определила: грузный мужчина справа ерзал, дама в бисерном платье слева осторожно разворачивала конфету. Небольшой скандальчик с мужем, и Лариса исчезает среди декораций коммуналки, предоставляя сцену Бабичеву, который проводит лезвием

по намыленной щеке и поет в полный голос. Ангелина засунула измятую программку в сумку и постаралась успокоиться. В конце концов, какие права Лариса имеет на Генку? Просто Ангелина отказала ему тогда, нужно же было парню к кому-то пристроиться на время. Но аспирант прибежит, стоит только Ангелине поманить пальцем. Да, так тому и быть.

К радости Ангелины, больше слов у Ларисы в первом акте не было. Она появлялась пару раз в общих сценах, но все внимание забирали на себя Бабичев и Кавалеров. Прозвенел звонок, начался антракт. Прожорливый зритель снова повалил в буфет. В дамской комнате Ангелина сполоснула лицо холодной водой и оценивающе оглядела себя в зеркале. Нет, все же она определенно красивее. Водолазка льнула к тугому спортивному животу, джинсы плотно облегали женственные бедра.

На ступеньках перед партером царило оживление, и Ангелина вытянула шею, чтобы рассмотреть, что там происходит, а когда увидела, чуть не рассмеялась в голос. Лариса Великодная в запахнутом халатике стояла с подносом нарезанной колбасы и раздавала ее зрителям. Вот эта роль ей удавалась гораздо лучше. Ангелина подошла к сопернице и посмотрела ей прямо в глаза. Актриса натянуто улыбалась под толстым слоем театрального грима, потрескавшимся в уголках глаз и около рта. Ангелина взяла ломтик колбасы, видимо изображавшей ту, которую изобрел Бабичев, и аккуратно положила в рот, не сводя глаз с Ларисы. На вкус колбаса отдавала жареной резиной.

— Возьмите еще, не стесняйтесь.

Ангелина усмехнулась.

— А я свое всегда возьму, вы не переживайте.

Ангелина достала программку, развернула и демонстративно положила в нее несколько сырокопченых ломтей. Лариса продолжала натужно улыбаться, не подозревая, что было на уме у красивой зрительницы. Второй акт Ангелина отсидела во вполне хорошем расположении духа и даже не расстроилась, когда Лариса вышла с еще парой реплик во время

проповеди брата Бабичева. Колбасница! Когда труппа вышла на поклон, Ангелина подарила одну гвоздику Кавалерову, одну Бабичеву и одну Ларисе, благодарно принявшей цветок. Спектакль Ангелине действительно понравился. После окончания, чтобы подышать воздухом и помечтать, она выбрала длинный путь мимо жутковатого недостроя — кариозного зуба «Бастилии».

Дома она застала отца в приподнятом настроении: он чистил картошку и напевал себе под нос на китайском песенку о двух гусах. Все-таки Ангелина любила его, хоть и не умела этого выразить. Изредка, когда она думала об отце или наблюдала за ним со стороны, ее сердце сжималось в комок. Григорию Витальевичу было около шестидесяти, он был рассеянным и непрактичным: задумавшись, мог сварить ручку в кастрюльке вместе с яйцами, все время терял документы и квитанции, а в его треугольной бороде непременно застревали крошки, которые он не замечал весь день. Ангелина поражалась, как отцу удалось защитить докторскую, с его-то бардаком на столе, и переживала, что он может попасть в какую-нибудь передрыгу.

— Ты сегодня весел.

— Ангелинка, представляешь, я таки уговорил Генку защищаться! Приедет оппонент из Владивостока, я уже с ним созвонился!

— Это замечательно, пап. — Ангелина приобняла отца за плечи. — Но он же не пойдет в науку, к чему все это теперь?

— Пойдет не пойдет, защищаться надо. Работа хорошая, ему только нужно переписать пару глав для отправки рецензентам.

Ангелина стала ждать удобного случая. К счастью, он представился уже на следующий день. Начиналось ее любимое время года — бабье лето. Форточка была открыта, мягкие закатные лучи золотили мебель. Ангелина сидела в кресле с журналом «Бурда» на коленях и рассматривала выкройки. Именно сентябрь всегда ощущался как начало года,

первая страница новой главы, а вовсе не сонное, похмельное первое января. Этой осенью Ангелине не нужно было идти ни в школу, ни в институт, но ее не покидало предчувствие волнующих перемен. Она собирала волосы в пучок, закалывая карандашом, потом распускала снова. Трелью пропел звонок. Девушка на пару секунд замерла — не почудилось ли? Но трель раздалась опять, в этот раз более протяжно и настойчиво. Отцу еще рано возвращаться из института, может, кто-то из студентов?

За дверью стоял Гена, такой неожиданно материальный, широкоплечий, умилительно растрепанный. На его лице читалось смущение, которое, впрочем, быстро сменилось нахальной ухмылкой. Ангелина тоже сначала растерялась, и с минуту они простояли молча. Наконец заговорил аспирант.

— Отец дома? Я тут книжки принес ему вернуть.

— Он еще в институте. Да ты проходи, что стоишь, как неродной. Чаю выпьешь?

Ангелина вынула карандаш из пучка, высвободив волны золотистых волос, и жестом пригласила гостя на кухню.

— Да я буквально ненадолго, мне нужно еще в кооператив забежать...

— Ох уж эти кооперативы, все сейчас состоят в кооперативах, а я ничего в этом не смыслю.

Гена шагнул в коридор и положил стопку книг на тумбочку в прихожей.

— А вот это ты зря! Если у тебя есть свободные деньги, мы можем их сейчас вложить...

— Ха! Какие деньги, Ген, не смей меня, ну откуда они у меня возьмутся? Ты какой чай будешь, зеленый или черный?

Некоторое время они просидели друг напротив друга за кухонным столом, от которого отходил верхний клеенчатый слой, обнажая спрессованные опилки. Гена рассказывал о своих коммерческих проектах и что собирается наконец купить автомобиль, подержанный москвич. Потом разговор иссяк и аспирант стал поглядывать на часы. Ангелина

запаниковала: вот сейчас он уйдет и отправится к Колбаснице и та наверняка вопьется в него как клещ. Свой шанс нельзя упускать. И тут Ангелина сделала то, чего сама от себя не ожидала: пересела на табурет поближе к гостю, взяла руку Гены и положила себе на бедро чуть выше колена. Сердце готово было выпрыгнуть из груди. Аспирант молча смотрел на тыльную сторону своей ладони, как будто на ней было что-то написано или словно она вовсе ему не принадлежала. Но не убирал. Тишина стояла невыносимая, звенящая, слышно было только, как тикают старые настенные часы в отцовской спальне. И как он спит по ночам с этим жестяным тиканьем? Гена, кажется, не дышал. Тогда, не понимая, откуда в ней взялся этот импульс, Ангелина пошла еще дальше: быстро наклонилась и чмокнула Гену в губы, но неловко, так, что попала только в уголок его рта. Аспирант подался было вперед, чтобы ответить на поцелуй, но Ангелина уже вскочила как ошпаренная, схватила со стола кружки, брякнула их в раковину, включила воду на полный напор. Через пару мгновений почувствовала спиной, что Гена встал со стула.

— Ну, я, наверное, пойду...

— Да-да, я скажу отцу, что ты заходил, про книжки отчитаюсь, — наигранно-непринужденно ответила она.

Ангелина тщательно намыливала и без того чистые кружки. Гена неспешно обулся в прихожей и аккуратно закрыл за собой дверь. Девушка достала карандаш из кармана домашних брюк, сломала его пополам и швырнула в угол.

5 (Ангелина)

Ночью Ангелина не могла спать. Было совершенно очевидно, что она все испортила. Какая же дура, господи, с таким же успехом она могла просто раздеться перед ним догола. Живот скручивали болезненные спазмы, хотелось стереть из памяти